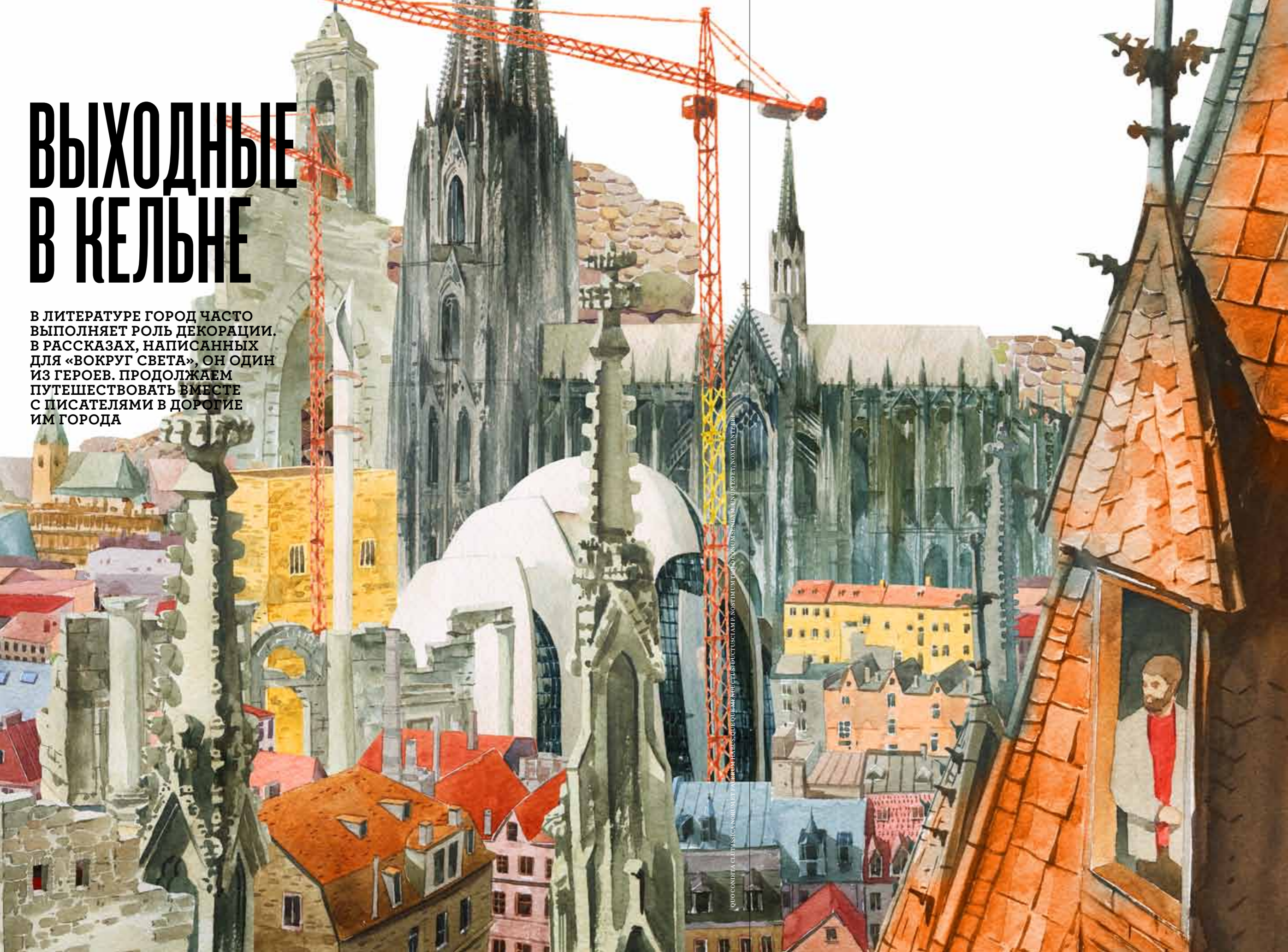

ВЫХОДНЫЕ В КЕЛЬНЕ

В ЛИТЕРАТУРЕ ГОРОД ЧАСТО ВЫПОЛНЯЕТ РОЛЬ ДЕКОРАЦИИ. В РАССКАЗАХ, НАПИСАННЫХ ДЛЯ «ВОКРУГ СВЕТА», ОН ОДИН ИЗ ГЕРОЕВ. ПРОДОЛЖАЕМ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ВМЕСТЕ С ПИСАТЕЛЯМИ В ДОРОГИЕ ИМ ГОРОДА

QUO CONDITA CLIVASSA NORUM ET VAPORUM HABUS, QUE QUAE MEMORATUS DUCTUS TAM P. NOSTRUM TRIO, CONIUM SENDAM, UNUM THEOTE, NOXIMANTER BEI

ПИСАТЕЛЬ
ГЛЕБ ШУЛЬЯКОВ

Родился 28 января 1971 года в Москве.

Окончил факультет журналистики МГУ.

Автор книг стихотворений, пьес, сборников путевых очерков, романов «Книга Синана», «Цунами», «Фес», «Музей имени Данте».

Возглавляет литературный журнал «Новая Юность».

С 2008 по 2010 год вел еженедельную программу «Достоиние республики» на телеканале «Культура».

Живет в Москве.

УЗНАТЬ БОЛЬШЕ
o Gitra pro adducidem prae novil haes ex sus inpremus sci ponsum menat. Nis aude tabesil icauterions clut re aciem uturio ut poentiusqui perficis. Onsimiliam larbem issides torum, fac vivit. Ad menam a

«ВАДИМ ВАДИМЫЧ»

Новелла из пишущегося романа «Красная планета»

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

Эта история произошла со мной прошлой осенью в Германии. Я приехал в Кёльн по приглашению моего бывшего однокурсника, «профессора Леона Цфасмана», с которым не виделся двадцать лет и письмо от которого неожиданно пришло ко мне. Из письма следовало, что Леон не исчез в 90-х (как я думал), а поменял гражданство, профессорствует в Кёльнском университете и даже курирует некий литературный фестиваль.

На него-то он и пригласил меня.

Надо сказать, Леон никогда не был мне другом. Да и приятелем тоже. Однако меня всегда тянуло к этому замкнутому еврейскому юноше из уральской провинции. И тогда, в студенчестве, когда он рисовал мрачные абстракции, и теперь, после «превращения» в профессора. И

я решил ехать, тем более что в Кёльне мне бывать не приходилось.

Картонку с моим именем держал лысый человек в черном костюме и розовом, под цвет щек, коротковатом галстуке.

— Фриш, — представился он по-русски.

Подхватив сумку, человек с писательской фамилией выбросил картонку в корзину для мусора. Мы вышли из аэропорта и сели в его машину. Как все безволосые, в очках, люди, Фриш выглядел «без возраста», хотя оказался моим ровесником. Это выяснилось по дороге в город. В Германию он переехал из Чернигова, а при Леоне был чем-то вроде администратора. Он признался, что горд знакомством с человеком, который знал Леона в юности. Речь шла обо мне.

Гостиницей для участников

фестиваля был старый пансион с узкой деревянной лестницей. Коренастая тетушка-немка, словно выпавшая из «Дара», встречала нас за коротенькой стойкой. Она улыбалась, сканируя меня и Фриша немигающим взглядом маленьких ключичих глаз. Про себя я назвал ее «фрау Стобой»¹.

Мебель в комнате, куда меня поселили, состояла из шкафа с ввалившимися от пустоты створками, стола и высокой кровати, похожей на бруствер. В углу притулился холодильник. Из окон открывался прекрасный, словно из путеводителя, вид на Рейн и стеклянные башни левого берега. А сбоку, если перегнуться через герань и петунии, чернели колпаки собора².

Леон почти не изменился. Передо мной стоял все тот же еврейский юноша, только округлевший и обросший бородой-эспаньолкой. Он по-прежнему сутулился и говорил тихо, как бы нарочно заставляя прислушиваться. Когда ему хотелось привлечь внимание, он постукивал собеседника ногтем (который тоже сохранился на свалке моей памяти). Так же, как раньше, Леон носил очки с полутемными стеклами. В очках и бородке, с остатками волос, собранными в молодежный бобр, в неброской удобной одежде Леон выглядел европейским интеллектуалом, каким мне, вероятно, и хотелось его увидеть. От прежнего замкнутого, неряшливого юноши-художника ничего не осталось.

Никаких эмоций по поводу нашей встречи он не выразил, только закашлялся в кулак, закивал. И если бы не Фриш, в шутку столкнувшийся нас, мы бы даже не обнялись. Из разговора я понял, что Леон преподает литературу, но его настоящая страсть — это история города. Точнее, сам город. Тот, который ис-

1 Персонаж романа Набокова «Дар», квартирная хозяйка главного героя.
2 Огромные башни Кёльнского собора видны практически из любой точки города.

чез под бомбами союзников. Леон знал расположение улиц, лежавших когда-то под нами, и нумерацию исчезнувших зданий. Сами дома, в каком стиле и кто их построил. Какие лавки там находились. В какой день и час их разбомбили, кто погиб, кто выжил и т. д. и т. п.

Такая вот неожиданная страсть. Да.

Сведения о городе хранились в двух его компьютерах, которые стояли бок о бок, распахнув крылья экранов, как гигантские бабочки. В остальном квартирка Леона, куда Фриш привез нас вечером, выглядела по-студенчески. Тахта, пара разнокалиберных кресел, огромный стеллаж с виниловыми пластинками — вот и вся обстановка. А столом, где мы курили и выпивали, служил огромный звукоусилитель.

Надо сказать, тот факт, что Леон занимается несуществующим городом, довольно сильно поразил меня, ведь я и сам занимался чем-то похожим, даже написал книгу. Правда, речь в ней шла о Стамбуле. И вдруг Леон со своим исчезнувшим городом.

Фриш разлил чай и сменил пепельницу. Я завел разговор о нашей студенческой компании. Немного приукрашивал, ведь нас слушал Фриш, и мне хотелось выглядеть значительнее. Потом спросил его о родном городе, был ли он снова «под красным небом», как он сам называл его когда-то (из-за химических выбросов). Но Леон отмалчивался или говорил неохотно. И мне вдруг стало ясно, что это прошлое он от себя отрезал.

— Ты всегда был провокатором, — только и ответил он. — Твоя наивная вера в культуру смешала меня, ведь кругом царил разуха. А ты верил. И знаешь? Я благодарен тебе. Это не давало мне опускать руки тоже.

Леон произнес этот короткий монолог сухим отрешенным голосом, словно речь шла о чужих людях. Всерьез ли он все это высказал? Или,

как обычно, иронизировал? За давностью лет это не имело значения. Ставки были сделаны.

Паузу прервал Фриш. Он сообщил, что в свободное время Леон водит экскурсии по исчезнувшему Кёльну. Приработок за вычетом немецких налогов был мизерным, но экскурсии анонсировал местный «Тайм Аут». Кажется, Леон не на шутку гордился этим.

— Зоя! — позвал он.

Журнал вынесла из соседней комнаты миловидная молодая девушка — оказывается, все это время она находилась в соседней комнате. Он представил ее. Она была его подружкой.

Она села к Леону на колени и молча закурила.

Потом Фриш позвал нас в сад. Это был задний дворик, отгороженный кустами туи и жимолости. Небо еще светлело в суставах каштана, а здесь уже наслаивались сумерки. Из сумерек проступали белесые углы то ли беседки, то ли оранжереи. Это была мастерская Леона. Фриш открыл дверцу. Я ожидал увидеть картины, ведь раньше Леон был художник, — но контуры того, что стояло посередине, напоминали лодку.

Фриш зажег свет, я присвистнул.

Не лодка, а подробный макет города лежал перед нами.

Судя по реке и мостам, этим городом был Кёльн. Но не тот Кёльн, который мы видели, когда подъезжали, а лишь отчасти напоминающий настоящий. Дома и соборы этого города и городскую стену Леон собрал, и склеил, и разрисовал из картона, но часть была собрана из прозрачного пластика и внутри этих пластиковых домов стояли сооружения из других эпох. А сбоку виднелась башня телецентра и минарет мечети.

— Собор? — спросил я.

На макете не хватало знаменитых черных колпаков.

— Так вот он, — показал Леон.

Действительно, у реки возвышался собор, но не тот, знаменитый, а другой, без шпилей, зато с какой-то нелепо торчащей наверху балкой или лебедкой и провалом на месте центрального нефа³.

— Таким, — объявил Фриш, — он простоял сорок лет. А то, что вы видите сейчас...

В центре макета пустовала незастроенная площадка. Леон объяснил, что здесь находился еврейский квартал⁴ и что из истории этого места он хочет воспроизвести именно его.

— Гетто? — спросил я.

— Нет-нет.

Он стоял в нерешительности, как будто не знал, говорить ли дальше.

— Это место открыли двадцать лет назад, — начал он. — Что-то рыли, коммунальная стройка⁵, не знаю. Сначала обломок миквы⁶, потом фундамент старой синагоги, стены жилых домов. А потом нашли целый квартал. Выходило, евреи жили тут со времен императора Константина⁷. Между церковью святого Лаврентия...

Леон показал на башенки храма.

— ...и ратушей.

Зоя обошла макет и встала напротив.

— Еврейская история в немецком контексте... — насмешливо сказала она.

Ее голос был глубоким и мягким.

— Ты знаешь, в Европе любят музифицировать, — снова загово-

3 С 1450 по 1842 год строительство собора было заморожено.
4 До начала XV века в Кёльне рядом с ратушей располагался еврейский квартал.
5 При взрыве во время Второй мировой войны обнажился фундамент синагоги XI века. Раскопки велись в 50-е годы.
6 Миква, или микве, — купальня для ритуального омовения. Была расширена и частично восстановлена в 1956–57 годах.
7 Первые официальные документы о евреях Кёльна — декреты императора Константина от 321 г. и 331 г.

рил Леон. — Они решили накрыть раскопки стеклянным куполом. Поскольку денег не было, стройка то шла, то останавливалась. Да и не всем в городе этот музей был нужен. Против выступила мусульманская община, она тут довольно крупная. Главный археолог тут же обвинил кельнцев в антисемитизме. Это было слишком, тут не любят бучи. Археолога отстранили, стройка снова встала. А потом рядом с синагогой откопали остатки римского претория⁸...

Леон показал на макет.

— ...и стало вообще непонятно, музей чего строить.

Чем больше говорил Леон, тем отчетливее я понимал, что он хочет сказать своим макетом. Воспроизвести не только довоенный город или Кельн Римской империи. Нет, этот человек хотел собрать то, чем закончилась каждая история этого города. Леон считал, что Истории кончались много раз задолго до нашего времени. И то, что оставалось от каждого, римского или еврейского, немецкого конца, — он и хотел взять в свой идеальный город.

— А что было на месте пансиона? — вдруг спросил я.

Мы вернулись в комнату, Леон включил оба компьютера. Один за другим он принялся открывать файлы. На экране открылась объемная картина: узкий дом с тремя трубами; крыша; в черепице световые окна.

— Вот, — сказал Леон. — Уничтожен в 42-м. Попадание не прямое, разрушен частично. Снесен в 1948-м как неподлежащий восстановлению. Отстроен из бетона в пятидесятых. Точная копия, только без обсерватории.

— Обсерватории?

На экране появился бровастый человек в шейном платке и барашковых бакенбардах.

— Йозеф Клейн⁹, — перевел Леон. — Астроном. Жил на последнем этаже, а на чердаке оборудовал обсерваторию. Наблюдал извержения

вулканов на Луне. Издавал журнал «Сириус». Видишь эти стеклянные рамы?

Он постучал по экрану.

— Это и есть обсерватория.

Около полуночи Фриш привез меня в пансион. Перед сном я решил немного подышать и спустился к воде. Канаты, на которых держалась пристань, гудели от напряжения, это шел Рейн. А огоньки на воде беспечно крутились, как воздушные шарик. И душный речной воздух, и эти огоньки, и вздыбившийся за спиной черный Кельн, и пустота на душе складывались в предчувствие, что изнанка жизни завернулась, и стало видно ее необыкновенное нутро.

Я спрашивал себя: зачем Леону эта история с макетом? Не потому ли, что сам он провел детство в городе, где никакой истории не было? Что наша юность пришлась на время, которое исчезло? Не оставив ничего, кроме нас — тех, кто выросл вместе с этим временем? И что теперь мы обречены искать этому времени замену? Не за этим ли он пригласил меня?

Я вошел в номер и не раздеваясь лег на кровать. Включил компьютер, чтобы написать письмо жене. Неожиданно к его шелесту прибавился посторонний звук, скрип или шорох. Как будто наверху кто-то встал и даже прошелся. Но кто? Ведь там находился чердак.

Я отодвинул занавеску. Окно подалось и распахнулось, и я снова с наслаждением вдохнул речной воздух. Невзначай посмотрел наверх... Так и есть, окно на чердаке светилось.

Я вернулся в комнату. Кто бы это мог быть? Кто-то из участников? Но они еще не приехали. И почему на чердаке? Если там спальня фрау Стобой, то почему она не спит? Молодой турок? Нет, пусть это будет марокканец. Любовная связь как прикрытие. Хранение наркотиков. Или террорист из «Халифата»? Ну и пусть, что потом это окажется

просто старый сторож или слесарь, его каморка. Сейчас пусть это будет призрак того астронома Клейна. Который вернулся на пепелище. Кстати, может ли призрак скрипеть лестницей?

Размышляя таким образом, я задремал и не заметил, как лестница в коридоре действительно за скрипела.

— Вы не спите, — раздался за дверью мужской голос.

Он был русский фотограф из Италии. Родственник Зои или что-то вроде, поэтому Леон пригласил его. Средних лет господин с асимметрично посаженными бровями, жившими на лице своей жизнью. На фестиваль он привез коллажи, которые подписывал «Вадим Вадимыч» — как, собственно, его и звали. Все это я узнал за бутылкой виски, которую он проворно спустил из номера (чердак оказался номером). А у меня нашелся лед. Уже за полночь он снова сходил на чердак, теперь за компьютером. Это были те самые коллажи. Он делал их из детских и семейных фото и газетных вырезок; старых советских плакатов и театральных билетов; кассовых чеков на зернистой бумаге и телевизионных заставок того времени, каких-то до боли знакомых вывесок. А потом просто увеличивал до размеров киноэкрана. Одна из работ, которую я запомнил, была детская кроватка у окна (сквозь тюль виднелся радиатор), а за окном чернела башня. Многогранник возвышался над лесом, кроватка была пуста. Работа называлась «За сутки до рождения Вадим Вадимыча». Он сказал, что эта пустая кроватка всю жизнь сводит его с ума — тем, что кроватка есть, а его еще нет. А со второго снимка на меня смотрел ма-

8 Остатки римских сооружений найдены по всей центральной части города. Около ратуши и сейчас ведутся раскопки претория.

9 Герман Йозеф Клейн (1844–1914) — немецкий астроном и метеоролог. Занимался исследованиями вулканической активности Луны. Его именем назван один из кратеров на Луне.

ARUM VOLUPTATEM ESTEM SUNITAS MOLORRO ILLIT AD QUAMUS.

ARUM VOLUPTATEM ESTEM SUNITAS MOLORRO ILLIT AD QUAMUS.

ленький мальчик. Он стоял на снегу, а за спиной маячила все та же башня. Таковую, как у него, шубку на цигейке я носил тоже, и кроличью шапку. Это было мое детство.

— А где сделан снимок? — спросил я.

— Что это за башня?

Он не ответил, листал дальше. А потом вдруг вернулся.

— Это? — переспросил он. — Это на научной станции. Башня — КОН (увеличил на экране). «Корпус особого назначения». А это...

— А где? — перебил я. — Где находилась станция?

Но он не слышал. Говорил о детстве и что на этой станции его родители изучали вулканы (хотя лес на снимках был подмосковный). Вспомнил, как случайно, уже в Италии, встретил человека, чья мать тоже работала на этой станции. В этой колонии. Что они решили вместе... А где это было? Где? Я почти крикнул. Станция? Вы говорите так, словно это было в космической экспедиции! На Марсе! Тогда он снял очки, вытер переносицу и посмотрел коротким трезвым взглядом. А вы правы, ответил он. Мне и в самом деле кажется, что это случилось на другой планете. Станция, научные лаборатории. Городок и сосны. Разве вам (он повертел пустой стакан) не приходилось думать, что в эту жизнь, в Кельн или Москву все мы попали с другой планеты? Из другого мира? Он закрыл компьютер и поставил пустой стакан сверху. Брови его на секунду замерли. Но зачем? — прошептал я. Если впереди жизнь, зачем столько прошлого? А, Вадим Вадимыч? Может, лучше вычеркнуть его? Жить будущим? Он снова взял и повертел стакан. А потом закатал рукав и снял наручные часы. Вот, посмотрите, это отцовские. Только переверните. Видите? Я снял очки и приблизил глаза к крышке. «Слава первопроходцам «Красной планеты»¹⁰ было выгравировано на ней.

10 Иногда Красной планетой называют Марс.

ПАМЯТКА ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Германия. Кельн

РАССТОЯНИЕ от Москвы ~ 2100 км (от 3 часов 20 минут в полете)

ВРЕМЯ отстает от московского на 2 часа летом, на 3 часа зимой

ВИЗА «Шенген»

ВАЛЮТА евро (1 EUR ~ 47 руб.)

УВИДЕТЬ самый большой действующий колокол в мире (24 тонны), поднявшись по 509 ступенькам на колокольню Кельнского собора.

СЪЕСТЬ любимую уличную еду кельнцев Halve Hahn («полпетуха») — ржаную булочку с теплым сыром гауда, горчицей и луком (6 евро).

ВЫПИТЬ местного пива Kölsch в старинной пивоварне Früh, где варят только один сорт Кельша — Früh (1,80 евро за бокал «штанге» объемом 200 мл).

ЖИТЬ в Excelsior Hotel Ernst am Dom с невероятным видом на кельнский собор из каждого номера (от 179 евро за ночь).

ПЕРЕМЕЩАТЬСЯ на трамвае, который в центре города спускается в тоннели и превращается в некое подобие метро (от 1,90 евро).

КУПИТЬ в подарок флакончик Eau de Cologne — кельнской воды (от 5 евро); для себя — баночку кельнской горчицы в Музее горчицы Senfmühle (4,55 евро).